

Leszek Mikrut

Популярность беллетристики Григория Данилевского в Европе

Lublin Studies in Modern Languages and Literature 32, 74-87

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Leszek Mikrut
Maria Curie-Skłodowska University,
Lublin, Poland

Популярность беллетристики Григория Данилевского в Европе

Никто сегодня не оспаривает факт огромной популярности в Европе многих русских писателей 2-ой половины XIX века. Специалистам и читателям хорошо известны имена Льва Толстого, Федора Достоевского, Ивана Тургенева или Антона Чехова. Но фамилия Григория Данилевского вызывает в большинстве случаев удивление и вопрос о том кем был этот литератор, почему мы должны помнить о нем. А судьба его художественного творчества носит большой отпечаток того, представителем какой нации он является, где родился, где воспитывался, где жил и работал, на каком языке и о чем писал. Именно эти факторы повлияли на то, что в течение многих десятилетий Данилевского зачисляли к кругу русских писателей, но теперь на него самого и на его литературное наследие необходимо посмотреть уже по-другому, учитывая, однако, социально-политические условия Европы XIX-XXI вв.

С незапамятных времен территории сегодняшних украинских и российских земель оставались в сфере политических, социальных и культурных связей. Взаимодействие обоих национальных элементов отличалось на протяжении столетий

разнообразным характером, степенью интенсивности, разными были области их проникновения. Доминирующим, однако, из-за своей экспансивности был, как правило, русский элемент. Осуществившееся несколько лет назад образование независимой Украины упростило и сконкретизировало с одной стороны многие аспекты этих взаимосвязей, а с другой вызвало появление новых, четче акцентированных и менее заметных до сих пор. К группе этих связей относятся неразрывные и трудные для разграничения не только между украинской и русской литературами, но также всех славянских народов. Если руководствоваться определением *Литературного энциклопедического словаря*, украинская литература – „(...) литература украинского народа, развивающаяся на украинском языке”¹, тогда ответ на вопрос, каким писателем: украинским или русским является Данилевский – очень простой. Хотя был он украинцем, однако очень редко и прежде всего в молодости писал на родном языке. Ряд других аспектов усложняет это, казалось бы, очевидное решение.

Литературное творчество Григория Данилевского нашло поклонников сперва в России (преимущественно на Украине – в Малороссии), а потом и на западе Европы, особенно после его трех путешествий в качестве корреспондента петербургской газеты *Северная пчела*, которые состоялись в 1860, 1866 и 1873 годах. Литератор побывал тогда в Германии, во Франции, в Италии, в Англии, в Венгрии, в Австрии и в Придунайских княжествах. Везде заботился он о том, чтобы встречаться с влиятельными и известными людьми, чтобы принимать разные меры по популяризации своих произведений. Именно такой подход принес писателю положительные результаты. Критики, хотя отмечали не всегда высокий художественный уровень его творчества, но наряду с читателями подчеркивали очень интересные сюжеты (прежде всего авантюрного характера и

¹ Крыжановский С.А., *Украинская литература*, (в:) *Литературный энциклопедический словарь*, Москва 1987, с. 454.

основанные на мало известных эпизодах из истории России, Украины, некоторых других государств), замечательные лица героев, хорошо построенную интригу. Многие произведения Данилевского в конце XIX - начале XX веков были переведены на ряд иностранных языков, а сам беллетрист разнообразными впечатлениями от своих путешествий на Запад поместил в ряду рассказов и романов, увеличивая таким образом в Европе интерес к ним² и к Украине.

Григорий Данилевский³ родился 14 (26) апреля 1829 г. в Даниловке – селе Изюмского уезда Харьковской губернии; в его жилах текла казачья кровь. Детские годы он провел в патриархальной атмосфере украинской провинции в родном имении Пришиб. Родители привили ему любовь к литературе, однако, самое большое влияние на формирование мировоззрения мальчика оказала крестьянка - няня Аграфена, которая развивала его интерес к фольклору. В январе 1841 г. 11-летний Григорий поступил в Московский дворянский институт. Полученное там образование повлияло на формирование взглядов молодого человека, рано начавшего первые свои литературные опыты; это были стихотворения, написанные по-русски. Нет однозначных мнений о Данилевском, объясняющих факт почему он не пользовался языком предков; Украину, однако, любил всем сердцем. Это чувство не покидало его, когда он был студентом юридического факультета Петербургского университета. Мечтал о карьере чиновника, но ощущал влечение и к литературе. Его

² Шире об этом в статье: Mikrut L., *Listy z zagranicy Grzegorza Danilewskiego – reportera prasy petersburskiej* (w:) *Literatura i komunikacja. Od listu do powieści autobiograficznej*. Praca zbiorowa pod red. A. Blaima, Z. Maciejewskiego, Lublin 1998, s. 99-109.

³ Важнейшие биографические источники писателя: Трубачев С.С., Г.П. Данилевский. *Биографический очерк*, (в:) Г.П. Данилевский, *Полное собрание сочинений в 24-х тт.*, СПб. 1901, т. I, с. 5-91; Романова Т.В., *Данилевский Г.П.*, (в:) *Русские писатели. Биобиблиографический словарь* (ред. Николаев П.А.), т. I, Москва 1990, с. 244-249.

стихи и фельетоны под разными псевдонимами⁴ появлялись в печати. На это увлечение литературным творчеством не повлияло даже 3-месячное ошибочное, как потом оказалось, заключение в Петропавловской крепости в характере подозреваемого в принадлежности к прогрессивному кружку петрашевцев⁵.

На студента, освобожденного из заключения, общество смотрело подозрительно. Демократическая литературная критика к нему относилась недоброжелательно и образовавшаяся тогда репутация сопутствовала художнику большую часть жизни. Неудачи не обескураживали молодого литератора и он после окончания Университета в 1850 г. стал работать в Департаменте просвещения. Много путешествовал, часто направлялся в южные губернии. Накопленным материалом пользовался Данилевский впоследствии в своем творчестве. В большинстве случаев это обусловило типы героев, место действия в его произведениях. В это же время появился его лирический сборник *Крымские стихотворения* (1851). Необычайная быстрота, с которой создавал автор новые произведения, обратила на себя внимание читателей, а его недюжинный талант заметили также редакторы периодических изданий.

Одновременно сам писатель старался найти свое место в литературных кругах обеих столиц. Имел широкий круг знакомых среди известных литераторов. Часто встречался с поэтами: Яковом Полонским (1819-1898), Николаем Щербиной (1821-1869), Николаем Некрасовым (1821-1878), с драматургом Львом Меем (1822-1862), писателями Александром Дружининым (1824-1864), Михаилом Загоскиным (1789-1852) и многими другими лицами.

Начинающий литератор отдавал себе отчет о своем происхождении из патриархальной среды далекой Украины, что в сочетании с делом петрашевцев, требовало от него большой

⁴ Массанов И.Ф., *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*, Москва 1956-1960.

⁵ *Дело петрашевцев*, М.-Л. 1991, т. III, с. 333-349.

активности. Росла его литературная известность, одновременно открывалась перед ним и карьера чиновника. Зимой 1851 г. он стал работать в департаменте просвещения, руководителем которого был известный лингвист и библиофил Авраам Норов (1795-1869), и по поручению которого Данилевский осенью того же года отправился в Москву, где установились его связи с литераторами второй столицы.

Значительным обитием стало близкое знакомство с Николаем Гоголем,⁶ являясь для молодого автора фундаментом нового подхода к художественному творчеству. С детских лет Данилевскому было известно литературное наследие его земляка. Мир украинских легенд в сочетании с нянинными рассказами из истории Запорожской Сечи и обогащенной чтением *Вечеров на хуторе*, слились в воображении мальчика с фантазией молодого Гоголя, который формировал поэтическое видение будущего писателя, обострял интерес к украинским вопросам, определял круг творческих замыслов Данилевского.

Творчество Гоголя нашло в лице Данилевского горячего поклонника. Несмотря на отличие условий и иерархию признаваемых идеалов, автор *Ревизора* стал для него источником художественного вдохновения. Данилевский пошел по пути, указанному великим представителем „натуральной школы“, обратился к украинской проблематике. В истории русской литературы трудно найти другого беллетриста, который так последовательно основывал свое творчество на нравах казацкого края, мотивы, прототипы героев и происшествий черпал из минувших и современных дней этой части империи. А отвечая на вопросы, почему он свои произведения создает по-русски, ссылаясь на мнение (сомнительное все-таки) автора *Арабесок*, что, мол, все литераторы в России должны пользоваться языком Пушкина, единство которого является условием поэзии добра и

⁶ Связи между писателями характеризуются в статье: L. Mikrut, *Z historii kontaktów literackich G. Danilewskiego i M. Gogola*, *Slavica Lublinensia et Olomucensia*, Lublin 1985, с. 75-86.

красоты, панацеей, окрыляющей и поучающей о вечных истинах любви к ближнему и прощения врагам⁷. Общение с великим художником позволило Данилевскому понять необходимость более серьезного подхода к литературному поприщу. С того времени прочным фундаментом его творчества 50-60-ых годов стала реалистическая картина жизни в украинских селах.

После возвращения в Петербург писатель стал собирать материалы об основоположниках украинской культуры и литературы: Григории Квитке-Основьяненко (1778-1843), Василии Каразине (1773-1842), Григории Сковороде (1722-1794)⁸. Одним из тех, кто весьма помог ему был Гоголь. Четвертая встреча обоих авторов уже не состоялась из-за кончины создателя образа Чичикова. Вскоре зато произошел случай, позволивший Данилевскому выступить в роли защитника памяти своего наставника и земляка.

После смерти Гоголя его ученик все время оставался верен тенденции гоголевской школы и под этим влиянием, посетил Васильевку, а впечатления об этом нашли отклик в очерке *Хутор близ Диканьки* (1852). Это была первая публикация в печати, написанная под непосредственным влиянием от пребывания в месте рождения Гоголя. Проникновенные лиризмом и благодарностью воспоминания присоединились к голосу той части критиков, которая защищала наследие великого художника, и вызывали шумные толки у представителей кругов, смотрящих с недоумением на молодого журналиста, который „осмелился” выступить в роли одного из немногих защитников памяти автора *Мертвых душ*. Когда молчала пресса, испуганная судьбой Тургенева за некролог Гоголя, перо Данилевского, как единственное, вопреки цензуре писало о создателе *Ревизора*. Это

⁷ Данилевский Г.П., *Знакомство с Гоголем*, (в:) *Полное собрание ...*, op.cit., т. XIV, с. 98.

⁸ Завершение данных трудов относится к 1855, 1860, 1862 гг.

были одни из наиболее аргументированных и пламенных публицистических выступлений⁹, защищающих имя Гоголя.

Публикации в защиту памяти великого художника обозначали новый этап деятельности Данилевского, который впоследствии в значительной степени свое внимание сосредоточил на популяризации культурных связей, объединяющих Европу с украинским и русским народами. Одновременно трудно было не заметить его в периодике. Однако, только появление сборника стихотворных народных украинских сказок *Стенные сказки* (1853) принесло автору популярность у читателей, заинтересованных новым содержанием произведений о жизни в Малороссии. Артист оперировал живым народным языком, вводил народную простоту, мир понятий сельских жителей. Действительность оценивал с точки зрения их интересов, показывал жизнь на хуторах. Его народность была стихийной, основанной на практической, иногда суровой оценке широких масс. Мотивы черпал из фольклора, поддавался его влиянию, обогащая его.

Похожая тематика характеризовала сборник *Слобожане* (1853) – первый более крупный художественный прозаический опыт автора. Необычайно важным элементом выступает в нем юмор. Однако, этот смех не безмятежен, изредка смешан только с раздумьем и тоской, а меткая шутка не вызывает живой веселости. Данилевский отошел от традиции *Вечеров* и обратился к *Миргороду*¹⁰, потому что, как и автор *Ревизора* наблюдал в жизни различие между веселостью и смехом. В данном сборнике нашла художественное воплощение любовь автора к родному краю, его природе, истории, народным верованиям. Разные варианты украинской тематики стали с тех пор доминирующими в беллетристике Данилевского, а характерной ее чертой были

⁹ Свиясов Е.В., *Эпизод полемики о Гоголе 1852 года, Русская литература*, 1980, № 1, с. 127-134.

¹⁰ Филипова Н., *Миргород*, (в.) Гоголь Н., *Миргород*, Москва 1965, с. 5.

поиски идеала в помещичьей среде, реалистические картины жизни в деревне, восхищение красотой природы и сказовый метод повествования.

Заслуживают также внимания произведения Данилевского, посвященные современной бытовой тематике. Среди них следует назвать цикл очерков об украинских крестьянах, занимающихся транспортом и торговлей, *Чумаки* (1857), организованный согласно временной доминанте (временам года). Писатель показал чумацкую действительность в середине XIX в., когда железная дорога шла на смену этому свойственному южным районам Украины явлению с его реальными фактами и романтикой. Главным достоинством насыщенных картинами приднепровской природы очерков являются их познавательные качества, так как эта уникальная и герметическая среда не часто создавала возможность для литературных исследований.

Карьера чиновника открывала перед Данилевским новые возможности, но не совпадала с мало лестными мнениями о нем в салонах. Современникам писатель представлялся гордецом, стремящимся любой ценой обратить на себя внимание. Поэтому чувствовал он себя отчужденным и думал о необходимости заняться тематикой, намеченной Гоголем. Все сильнее звучала в его произведениях социальная тематика. Автор наблюдал за процессом раскрепощения крестьян, за общественным настроением, часто думая уехать на родину. Созревающее с 1854 г. намерение осуществилось 3 года спустя, когда освободился он от должности и поехал в отцово имение. На Украине прожил 12 лет, и этот период характеризовался большой плодотворностью беллетриста и полным расцветом его таланта. Процесс проходил под влиянием работы в атмосфере сельской тишины, общения с представителями разных общественных классов, политических группировок. Таким образом начался новый этап жизни писателя – период его зрелого творчества в эпоху важных реформ, высоких стремлений и неосуществленных надежд. Исключительно убедительны написанные тогда рассказы: *Село Сорочпановка* (1859) и *Пенсильванцы и каролинцы* (1859),

опубликованные под псевдонимом А.Скавронского¹¹. В факте мистификации выразилось стремление автора ввести в заблуждение редакторов журнала, отказывающих беллетристу в праве на сотрудничество. Актуальная и острая проблематика произведений заинтересовала, однако, редакцию. Посвященные в дело не верили, что Скавронский и Данилевский – одно лицо. Данные рассказы убедительно свидетельствуют о том, что после долгих лет творческого труда перо писателя рисовало уже не картины древней патриархальной Украины, но с полной убедительностью показывало конфликты современности, общество, разделенное на два враждебных лагеря – сторонников крестьянской реформы и ее ярых противников.

В тот же период Данилевский издал цикл очерков *Четыре времени года украинской охоты* (1859). Отождествляясь с представителем местной этнической группы, очеркист предстал как охотник-любитель, восхищающийся процессом охоты и свои слова направлял он конкретному адресату – записному охотнику с севера России. Таким образом цикл имеет познавательное значение, а написанный образным языком еще раз свидетельствует о безграничном интересе Данилевского к реальным фактам из жизни родной Украины.

Возвратившись с Запада [результатом поездки был цикл очерков *Письма из-за границы* (1860), содержащий сопоставления с фактами из жизни на Украине] и находясь в своем имении, Данилевский завершал работу над первой частью трилогии о крестьянах, бежавших в придонские степи от жестокости крепостников - *Беглые в Малороссии* (1862). Автор ожидал, что роман появится в печати во время бурных дискуссий над отменяющим крепостное право царским манифестом. Надежды не осуществились, так как испуганная актуальностью тематики цензура медлила с разрешением на выпуск. С помощью писателю пришел тогда Федор Достоевский, подвергаясь

¹¹ Птушкина И.Г., *Исторический очерк Герцена*, (в:) *Проблемы изучения Герцена*, Москва 1963, с. 172-188.

язвительной критике Михаила Салтыкова-Щедрина, и вскоре в своем журнале *Время* напечатал вторую часть трилогии – *Беглые воротились* (1863). Таким решением, а также полемикой с автором *Господ Головлеых* выразил он положительное отношение к творчеству Данилевского и это заявление, наряду со мнением Гоголя, является одной из самых авторитетных характеристик литературной деятельности автора *Беглых*¹².

Первые романы Данилевского были написаны в период демократического подъема. Обращение к крестьянской тематике – это воздание почестей демократической традиции, подвергнувшееся трансформации в очередных произведениях беллетриста, в которых общественные противоречия смягчены. Героями третьей части „крестьянской” трилогии *Новые места* (1867) и самого большого эпического произведения *Девятый вал* (1873), повествующего о сплетенных семейной драмой мирах: старом (за монастырской стеной) и новом (помещичье общество провинции), выступают предстители рождающегося капитализма, „честно” трудящиеся на благо страны. Писатель не замечал опасностей новой общественно-экономической формации. По его мнению будущее должно принадлежать „предприимчивому человеку”, вытесняющему „лишних людей”.

Данилевский все время занимался общественной деятельностью, сочетая ее с литературой. К концу 1868 г. опять уехал в Петербург, где стал главным редактором *Правительственного вестника*. Считал, что хотя издаека, лучше сможет служить украинской культуре. Старался придать журналу литературный характер, что, как подчеркивает современный исследователь¹³, значительно увеличило интерес читателей к литературе, а также к вопросам, связанным с жизнью в провинции, преимущественно на Украине. Таким образом автор

¹² Более подробно об этом в статье: L. Mikrut, *G. Danilewski i F. Dostojewski. Z dziejów kontaktów literackich*, *Przegląd Rusycystyczny*, 1986, № 3-4, с. 126-134.

¹³ Свяясов Е.В., *Данилевский Г.П.*, (в:) Николаев П.А. (ред.), *Русские писатели 1800-1917*, Москва 1989, т. 2, с. 8-82.

опять вошел в петербургский мир, будучи известным также за границей, где переводы его произведений приобретали все новые круги читателей. Поглощенный журналистикой, на 3 года он отошел от литературной деятельности и только потом возвратился к предыдущим интересам, а очарованный историей собственной семьи, начал работу над циклом рассказов о выдающихся ее представителях [*Семейная старина* (1871-1877)].

1875 год – это пролог третьего периода творчества беллетриста с преобладанием исторической тематики, начало которой было заметно уже в конце 50-ых гг. (рассказы: *Вечер в тереме Алексея Михайловича*, *Первый выпуск сокола*, *Екатерина Великая на Днепре*), но только много лет потом, пользуясь высоким чиновничьим постом, получил доступ к тайным материалам XVIII столетия, которые стали источником его известных исторических романов. Их цикл открылся *Мировичем* (1875), основанным на временах Петра III и Екатерины II, повествующим о кошмарной судьбе законного наследника престола Ивана VI, который всю жизнь провел в тюрьме из-за опасений очередных правителей по отношению к его обоснованным претензиям к престолу. Продолжением *Мировича*, и одновременно второй частью дилогии, стал роман о самозванной претендентке на царский престол *Княжна Тараканова* (1883). Применяя в обоих произведениях нравственный критерий оценки происшествий, автор откровенно симпатизировал героям – жертвам борьбы за власть в условиях монархического государства и решительно осудил их врагов.

Современники справедливо считали Данилевского крупным знатоком XVIII в. Вскоре после *Мировича* появился роман о войне с Турцией 1787-1791 гг. – *Потемкин на Дунае* (1876) и второй, повествующий о неудачной попытке завоевания чужой земли *На Индию при Петре I* (1879), а позже первая часть романа *Царевич Алексей* (1890) и *Черный год* (1887) – оценка крестьянской войны Пугачева. Единственный исторический роман, непосредственно затрагивающий украинскую тему, был посвящен драматической судьбе Запорожской Сечи – *Последние*

запорожцы (1877). Хотя XVIII век преобладал в исторической прозе Данилевского, не представлял исключительной темы. Об интересе к движению декабристов свидетельствуют фрагменты неоконченного романа *Восьмьсот двадцать пятый год* (1881), а 1812 г. нашел отображение в *Сожженной Москве* (1885). Доминирующие в творчестве Данилевского 50-60-ых гг. украинские вопросы в последний период его литературной деятельности уступали место истории России. Автор считал, что успехом читателей больше будут пользоваться произведения о прошлом обеих столиц с подлинными персонажами на исторической сцене. Украина, однако, не исчезла с поля зрения беллетриста. Сюжеты многих эпизодов происходят в Малороссии, отдельные персонажи – это украинцы, вспоминаящие о родном крае, культивирующие традиции, говорящие на украинском языке (Мирович и Поликсена, Концов из *Княжны Таракановой*, Перовский из *Сожженной Москвы* и другие).

Последние произведения автора – небольшие рассказы: *Христос-Сеятель* (1886), *Стрелочник* (1886), *Шарик* (1890). Их адресатом – народ, а жизненным девизом героев: со злом надо бороться добром, любовью, самопожертвованием. В то время писатель тяжело болел и скончался 16 (28) декабря 1890 г. в своей петербургской квартире. После траурной церемонии гроб Данилевского перевезли в родовое имение писателя, где прощались с ним крестьяне, которых как один из первых помещиков в губернии он отпустил на волю.

Данилевский активно выступал за украинскую культуру, действовал в пользу признания ее своеобразия; был либералом и поэтому проблема национальной свободы не получила в его прозе четкого освещения. На классовую борьбу смотрел сквозь призму борьбы добра со злом на фоне идеалистической философии. Неопровержимые связи творчества автора *Мировича* с Украиной облегчали ему воссоздание реалистических картин жизни, очаровательных пейзажей, вдохновляли на летописание колонизации придонских степей. Одновременно очевидный факт

ученичества прозаика у русских художников (Тургенев, Достоевский, Л. Толстой), благодаря чему связь с исконно русской культурой, неоднократно находящая отражение в проблематике и тематике произведений писателя, тоже бесспорна.

Таким образом Данилевский не был как Григорий Квитка-Основащенко, Николай Костомаров (1817-1885) или Тарас Шевченко (1814-1861) украинским двуязычным писателем, участвующим в создании русской литературы, но вместе с Николаем Гоголем, Василием Нарезным (1780-1825), Василием Капнистом (1758-1823), Николаем Гнедичем (1784-1833) образовал в ней, так называемую „украинскую школу”¹⁴. В истории этой литературы не найти другого писателя, который так настойчиво и с любовью писал бы об Украине, посвятил ей львиную долю литературного наследия, боролся за право на существование и должное место для ее литературы в семье славянских литератур, что противоречило положениям великодержавного шовинизма правителей России, и одновременно, к сожалению, был до такой степени забыт...

Остается надеяться, что пользовавшийся признанием при жизни беллетриста его талант, хотя не нашел значительного признания в глазах литературных критиков и издателей следующих десятилетий, будет заново замечен не только на родной Украине, в России, с которой писатель связал большую часть своей жизни и литературной деятельности, но также в Польше, где ведь его творчество нельзя назвать совершенно чужим нашему читателю¹⁵. А приближается благоприятный для

¹⁴ Термин впервые употреблялся в статье: W. Mokry, *Ukraina i Ukraińcy w kulturze i literaturze rosyjskiej od połowy XVII do początku XX w. (Zarys problematyki)*, (в:) *Literatura rosyjska i jej kulturowe konteksty*. Praca zbiorowa pod red. R. Łuźnego, Prace Komisji Słowianoznawstwa PAN – Oddział w Krakowie, 48, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1990, с. 169-181.

¹⁵ На польский язык переводились романы: *Девятый вал*, Варшава 1880 (перев. А. Пясецки); *Восемьсот двадцать пятый год. Дзенник познаньски* 1883, №№ 199-209; *Княжна Тараканова*, Варшава 1884 (перев. З. Петкевич), Варшава 1929

этого случай – 180-летие со дня рождения и год позже 120 годовщина смерти автора *Мировича* и *Беглых в Малороссии*.

(перев. З. Езерски); *Черный год*, Варшава 1890; *Царский узник* (*Мирович* – Л.М., перев. Л. Стемповски), Самбор-Грудек 1885; *Катастрофа в Шлисселбурге* (*Мирович* – Л.М.), Варшава 1929; *Мирович*, Варшава 1956 (перев. З. Езерски); *Княжна Тараканова*, Катовице 1987 (перев. П. Фаст, послесловие Л. Микрут).